

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемѣсячный
литературно-политическій
журнал*

Выходит при ближайшем участіи
Кн. С. С. ОБОЛЕНСКАГО и Я. Н. ГОРБОВА.

№ 159
МАРТ 1965 ГОДА

P A R I S
73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél. : ELYsées 06-03

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр.</i>
СОВѢТСКОЕ "ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ". Редакціонная статья	5
Ив. ШМЕЛЕВ. Убійство	7
М. КАРАТЪБЕВ. Богатыри проснулись	26
Ирина АСТРАУ. Неумолимо	41
Н. УЛЬЯНОВ. Происхожденіе украинскаго сепаратизма	59
П. Л. БАРК. Воспоминанія	78
Из писем А. В. ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС	88
Кн. М. ШАХОВСКОЙ. В поисках мира. (Еще о европейской политике Императора Александра I)	94
С р е д и к н и г и ж у р н а л о в: Николай АРСЕНЬЕВ: Книга о подвигѣ (Кн. П. Д. Долгоруков "Великая разруха") — Н. В. СТАНЮКОВИЧ: Ольга Форш "Сумасшедшій корабль"	107
О. МОЖАЙСКАЯ. Судьба русскаго писателя	114
Л. ДОМИНИК. Исторія на сценѣ	117
С. Я. ПАРАМОНОВ. В Кэнбрѣ — столицѣ Австраліи	125
П. Е. СТОГОВ. Вопросы науки, техники и стратегіи	128
О. М. Антикоммунистическій Русско-Аргентинскій Институт об итогах коммунизма	133
В. БОРИСОВ. По "ту" сторону	134
Я. Н. ГОРБОВ. Литературныя замѣтки: Анатолій Даров "Блокада" — Владимір Самарин "Песчаная отмель"	142
Кн. С. ОБОЛЕНСКІЙ. Дѣла и Люди: Безсиліе и застои — Потаенная жизнь — Напор событий — "Цѣпная реакція"	150
Лекціи проф. В. Н. Ильина. (Письмо в редакцію)	160

КОНТОРА ЖУРНАЛА «ВОЗРОЖДЕНІЕ»

открыта ежедневно, кромѣ суббот и праздничных дней,
от 14 ч. 30 м. до 18 ч. 30 м.

Подписка, продажа, справки и объявленія.

ВОСПОМИНАНІЯ

Глава VI*)

В своем рескриптѣ Государь Император рассматривал винную реформу, как часть большой и рѣшительной программы, для проведенія которой Его Величество предполагал давать мнѣ в свое время соответствующія указанія. Он также указал, что желает, чтобы національныя богатства страны были болѣе разработаны и наше промышленное производство увеличено.

Убыль вызванная уменьшеніем дохода от винной монополіи должна была, очевидно, быть возмѣщенной доходом от новых налогов.

Для подготовки новой налоговой системы я хотѣл имѣть поддержку разных технически свѣдущих людей, а также совѣты вліятельных государственных дѣятелей. Как обычно я посоветовался с моим другом А. В. Кривошеиным — сказал ему, что намѣрен привлечь в Министерство Финансов нѣкоторых профессоров, как это сдѣлал Витте, когда был назначен Министром Финансов. Я предполагал привлечь профессора Московскаго Университета П. Ф. Гензеля — он обратил на себя мое вниманіе статьями по валютным вопросам в “Русских Вѣдомостях”, и мнѣ его рекомендовал член Госуд. Думы А. И. Шингарев. Кривошеин, будучи практичным, посоветовал мнѣ профессора Петербургскаго Университета П. П. Мигулина, который был женат на дочери Предсѣдателя Думской бюджетной комиссіи М. М. Алексѣенко, вслѣдствіе чего мог быть очень полезен Министерству Финансов при разработкѣ законодательных вопросов. Я объяснил Кривошеину, что хотя я намѣрен слѣдовать примѣру гр. Витте, но не хочу подражать его методам. Он вызвал в свое время большое неудовольствіе среди многих очень компетентных чиновников Министерства Финансов, назначив профессора Университета на должность Товарища Министра. Вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что он переоцѣнил способности профессора, — и должен был от него избавиться. Я сказал Кривошеину, что лично могу назначить Мигулина на должность члена совѣта при министрѣ финансов, а Гензеля — на должность члена совѣта Государственнаго Банка. Эти должности не требуют никакой административной работы. Кривошеин согласился со мною, но предупредил, что Мигулин честолюбив и вѣроятно будет думать, что его назначеніе в совѣт при министрѣ финансов станет ступенью к должности Товарища Министра.

*) См. “Возрожденіе” №№ 157 и 158.

С Кривошеиным я также обсуждал вопрос о реформѣ Государственнаго Банка. Я хорошо изучил за границей дѣятельность эмиссионныхъ банковъ и предполагал, что для упроченія нашего кредита наш Государственный Банк, которому ввѣрен выпускъ бумажныхъ денегъ, долженъ стать болѣе независимымъ и не быть в положеніи одного изъ департаментовъ Министерства Финансовъ. Чтобы достигнуть этого я имѣлъ намѣреніе назначить Главнымъ Директоромъ Государственнаго Банка И. П. Шипова, который былъ уже членомъ Государств. Совѣта, а в свое время былъ однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ сотрудниковъ С. Ю. Витте. Я познакомился съ Шиповымъ когда началъ работать в Кредитной Канцеляріи, гдѣ онъ былъ помощникомъ Начальника Канцеляріи. Онъ сталъ Министромъ Финансовъ, когда гр. Витте ушелъ с этой должности, чтобы стать Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Впослѣдствіи Шиповъ былъ Министромъ торговли и промышленности в теченіе многихъ лѣтъ. Кривошеинъ не заинтересовался планомъ перемѣны в Государств. Банкѣ. Онъ не очень сочувствовалъ Шипову и считалъ также, что назначеніе члена Государств. Совѣта Директоромъ Государственнаго Банка, когда послѣдній является Департаментомъ Министерства Финансовъ, — противно традиціямъ государственной службы. Самое главное — онъ считалъ, что Шиповъ не согласится на мое предложеніе. Я сказалъ Кривошеину, что онъ можетъ быть и правъ, но я все же попробую осуществить мой план. И. П. Шиповъ былъ очень удивленъ, когда я запросилъ его. Онъ попросилъ дать ему 24 часа, чтобы обдумать мое предложеніе и на другой день уже далъ мнѣ свое согласіе. Я помнилъ, что когда Шиповъ былъ Министромъ Торговли онъ всегда посвящалъ много времени внимательному изученію всѣхъ дѣлъ, которыя касались Государственнаго Банка.

Назначеніе Шипова Директоромъ Государственнаго Банка вызвало сенсацію; впечатлѣніе в бюрократическомъ мірѣ было глубокимъ.

В теченіе трехъ лѣтъ, во время которыхъ я былъ на посту Министра Финансовъ, Шиповъ оказывалъ мнѣ большую поддержку. Срочные вопросы вызванные войной заставили меня отложить перемѣны, которыя я хотѣлъ ввести в Государственномъ Банкѣ. Несмотря на это Шиповъ оставался наиболѣе вѣрнымъ сотрудникомъ и могъ, благодаря своему большому опыту, помогать и содѣйствовать мнѣ по многимъ вопросамъ, которые не имѣли прямого отношенія къ Государственному Банку. Послѣ революціи Шиповъ послѣдовалъ за Бѣлой Арміей и заболѣлъ сыпнымъ тифомъ, свирѣпствовавшимъ в Екатеринодарѣ. Ему было немного болѣе пятидесяти лѣтъ когда онъ скончался.

Оба университетскихъ профессора были очень полезны. Они были компетентны и в особенности оказывали большую помощь, намѣчая новыя налоговыя предложенія, которыя должны были бы замѣнить доходъ от продажи спиртныхъ напитковъ. Все же Кривошеинъ былъ правъ, предвидя, что Мигулинъ не будетъ доволенъ оставаться членомъ совѣта при Министрѣ Финансовъ и что онъ мечтаетъ стать Товарищемъ Министра. Онъ представлялъ мнѣ разныя предложенія, касающіяся специальныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ для покрытія военныхъ расходовъ. Я изу-

чал эти предложенія вмѣстѣ с чиновниками Кредитной Канцеляріи, но не давал им хода, так как они казались мнѣ непрактичными. Мигулин был разочарован. Он рѣшил примкнуть к оппозиціи и повед атаку на меня в цѣлой серіи статей, которыя иногда были очень интересны. Дѣлал он это в то время, когда было очень в модѣ нападать на правительство. Даже патриотическая газета “Новое Время” печатала нѣкоторыя статьи Мигулина. Все же я должен воздать должное корректности этой газеты. Издатель “Новаго Времени”, который был со мною в отличных отношеніях, не принимал самых желчных выпадов, он печатал только умѣренные порицанія, предварительно заручившись моим на то согласіем.

Я никогда не пропускал случая освѣдомить Государя о нападках на меня в прессѣ, чтобы представить объясненія по этим поводам. Обыкновенно Государь не обращал большого вниманія на такого рода критику в газетах, но статьи Мигулина его забавляли. Он спрашивал меня о подробностях и когда знакомился с моими поясненіями очень смѣялся вмѣстѣ со мной относительно Министра Финансов, который платит жалованье профессору университета для того, чтобы имѣть удовольствіе читать нападки своего подчиненнаго в газетах.

Мои первые мѣсяцы в министерствѣ финансов прошли очень быстро. Естественно, что я был очень занят, так как должен был заниматься текущими дѣлами, было необходимо выбрать новых сотрудников, обычные засѣданія Кабинета министров также брали у меня много времени. Моими наиболѣе значительными коллегами крайне праваго направленія в кабинетѣ были Щегловитов — Министр Юстиціи, Маклаков — Министр Внутренних Дѣл и Кассо — Министр Народнаго Просвѣщенія. Всѣ они старались привлечь меня на свою сторону. Я должен был самостоятельно выбирать путь между сталкивающимися теченіями по работѣ в Кабинетѣ Министров, и рѣшил, что самое правильное для меня будет проявлять наибольшую сдержанность, дабы сохранять полную независимость. Я так же относился и к людям, не занимавшим официальнаго положенія. Естественно, со времени моего назначенія я приобрѣл массу “друзей”, которые ожидали момента, чтобы высказать свои чувства.

Среди них было немало хорошо извѣстных и вліятельных людей и я должен был быть очень осторожным, чтобы не попасть в западню. Нѣкоторые из моих новых друзей были несомнѣнно искренни и хотѣли мнѣ помочь. Все же большинство из них имѣло в виду свои личные интересы.

Одним из наиболѣе выдающихся моих новых друзей был Граф Витте. Его карьера была поразительной. По окончаніи университета, он поступил в Управление Юго-Западной желѣзнодорожной компаніи. Он быстро продвигался по службѣ благодаря своим большим способностям и вскорѣ стал Предсѣдателем этого Общества, главное управление котораго находилось в Кіевѣ. Его считали большим знатоком желѣзнодорожнаго дѣла, и когда министр финансов Вышнеградскій со-

здал новий Департамент в Министерствѣ для разработки вопросов связанных с финансовой помощью желѣзнодорожному управленію, он попросил Витте стать во главѣ этого департамента. Нѣсколько лѣтъ позже Вышнеградскій посовѣтовал Императору Александру III назначить Витте на освободившійся пост Министра Путей Сообщенія и Транспорта. Вскорѣ послѣ этого, по состоянію своего здоровья Вышнеградскій должен был уйти в отставку и Витте стал Министром Финансов. Он оставался на этом посту в теченіе 11 лѣтъ, с 1892 по 1903 г., и проявил большую дѣятельность в этот період. Крупныя перемѣны были проведены в жизнь, из них наиболѣе значительными были — восстановление золотого обезпеченія, реорганизація Государственнаго Банка и введеніе винной монополіи. В 1905 г. Император Николай II поручил Витте трудную задачу переговоров о заключеніи мира с Японіей. Витте, который никогда раньше не вел дипломатических переговоров, поѣхал в Портсмут в Соединенных Штатах Америки и начал переговоры с японской делегаціей в самом невыгодном положеніи. Американское общественное мнѣніе было явно враждебно Россіи и даже Президент Рузвельт (Теодор) не скрывал своих про-японских чувств. Японія предъявила очень большія требованія и переговоры были очень трудные. Витте добился соглашенія по всѣм вопросам, но не хотѣл уступать относительно контрибуціи и Сахалина. Все же ему пришлось уступить половину Сахалина, но по вопросу о контрибуціи он остался тверд. В это время его демократическій подход к американцам произвел большое впечатлѣніе в Соединенных Штатах. Общественное мнѣніе стало благожелательным к нему и Президент Рузвельт посовѣтовал японцам не настаивать на уплатѣ контрибуціи, так как они потеряют симпатію в мірѣ, если будут продолжать войну только чтобы получить большую сумму денег.

Мир был заключен в Портсмутѣ. Витте вернулся в Россію через Францію и французское правительство просило его переговорить с Императором Вильгельмом II по Марокканскому вопросу. Германскій Император принял Витте очень любезно в охотничьем домѣ на границѣ с Россіей. Послѣ очень долгаго разговора Вильгельм II согласился разрѣшить Марокканскій вопрос согласно французским пожеланіям.

По возвращеніи в Россію Государь вознаградил С. Ю. Витте пожалованіем ему графскаго титула. Нѣсколько мѣсяцев спустя Витте сыграл большую роль в проведеніи в жизнь учрежденія Государственной Думы, объявленнаго в Манифестѣ 17/30 октября 1905 г. Витте был первым Предсѣдателем Совѣта Министров в составленном им Кабинетѣ. В 1906 г. он сдал свой пост и остался только членом Государственнаго Совѣта и Предсѣдателем Комитета Финансов. В 1914 году он рѣдко выступал в Государственном Совѣтѣ и только тогда, когда затрагивались крупныя финансовыя вопросы. Все же как Предсѣдатель Комитета Финансов он был хорошо освѣдомлен по текущим дѣлам и также продолжал интересоваться политикой. По многим при-

чинам он был доволен назначеніем меня на пост Министра Финансов. Он всегда был хорошо ко мнѣ расположен, когда я работал под его начальством. Он не любил Коковцова и, очень его критикуя, считал, что тот не сумѣл сохранить престиж министерства. С тѣх пор как он устранился от активной дѣятельности в Правительствѣ, он мог высказывать свои неудовольствія. Все же оставаясь со мной в хороших свѣтских отношеніях, он думал, что может через меня имѣть нѣкоторое вліяніе на рѣшенія финансовых и политических вопросов, пока я останусь на министерском посту. Тотчас же послѣ моего назначенія, он пригласил мою жену и меня к обѣду, на котором было нѣсколько членов Императорской Фамиліи — по телефону он мнѣ объяснил, что мнѣ слѣдует знать двор.

Я всегда был большим поклонником Гр. Витте, котораго считал наиболѣе выдающимся государственным дѣятелем послѣ Столыпина, но опасался его необузданнаго характера, который ему очень вредил. Несмотря на блестящій ум и несомнѣнныя качества, он не сумѣл удержать за собой довѣріе Государя. Контраст между натурами Государя и Витте был слишком большим для близкаго сотрудничества, что было тоже и между Императором и Столыпиным. Все же Государь оставил Витте в теченіе 9-ти лѣтъ на посту Министра Финансов и затѣм призывал его для разрѣшенія многих сложных государственных вопросов. Но в послѣднее время Государь не искал поддержки у Витте и не имѣл намѣренія совѣтоваться с ним в дальнѣйшем. Я понял это из рескрипта, в котором Е. В. упомянул Вышнеградскаго, под начальством котораго я прослужил только нѣсколько мѣсяцев, но ничего не сказал о Витте, которому я обязан был моим быстрым продвиженіем в Министерствѣ Финансов.

Я знал, что Витте хотѣлъ представить меня Великим Князьям, как своего ученика и воспользоваться мною в своих нападках на моего предшественника, что мнѣ никак не нравилось. Я был очень занят, не мог вести свѣтскую жизнь и ни в коем случаѣ не хотѣлъ примыкать к тѣм, которые осуждали дѣятельность Гр. Коковцова.

Самые выдающіеся государственные люди часто поддаются желанію всячески критиковать тѣх, кто замѣнил их по должности. Человѣчно думать, что все сдѣланное благодаря вашим способностям и качествам — хорошо, и что тѣ, кто получает от вас хорошо устроенное наслѣдство, способны его испортить.

Я отказался от любезнаго приглашенія Гр. Витте и должен прибавить, отдавая ему должное, что Витте не оказался злопамятным: в качествѣ Предсѣдателя Финансоваго Комитета, он помог мнѣ значительно в моей трудной задачѣ и всегда был готов дать мнѣ цѣнный совѣтъ когда я к нему обращался за таковым.

Я имѣлъ аудіенцію у Императора каждую пятницу в 11 ч. утра. Во время второй аудіенціи Государь сказал мнѣ, что Императрица хотѣла бы меня увидѣть. Он добавил, что послѣ моей слѣдующей аудіенціи, я должен буду дать через камер-лакея мое имя Ея Величеству. В

слѣдующую пятницу я сдѣлал как мнѣ было сказано и был проведен в комнаты Императрицы. Она приняла меня очень милостиво. Около четверти часа мы оживленно говорили на разные темы и я особо запомнил, что Императрица говорила об улучшеніях, которыя слѣдует сдѣлать в Санкт-Петербургѣ. Она привыкла в Англии и Германіи к тому, что даже самые большіе города в этих странах имѣют много деревьев и большія пространства полныя зелени, а в Петербургѣ нѣтъ ничего подобнаго для его населенія. Императорская резиденція — Зимній Дворец — не имѣла сада и когда Государыня выразила пожеланіе, чтобы таковой был устроен, то маленькое пространство было отведено с одной стороны дворца и окружено рѣшеткой. Но там не было дѣстаточно мѣста, которое соотвѣтствовало бы величинѣ дворца.

Государыня произвела на меня большое впечатлѣніе. В официальных случаях или даже когда она предсѣдательствовала в комитетах, она казалась совсѣм другой и теряла много своего обаянія, вслѣдствіе своей застѣнчивости. Она становилась сосредоточенной и очень холодной, что производило невыгодное впечатлѣніе на присутствующих. В болѣе интимной обстановкѣ она была естественной и показывала себя с наиболѣе привлекательной стороны.

Это был единственный случай, когда Государыня принимала меня в своем рабочем кабинетѣ и показала мнѣ всю свою привлекательность. Вѣрно и то, что я никогда не дѣлал никаких попыток приблизиться к маленькой группѣ, которая составляла ея интимный круг.

Мои сношенія с Вдовствующей Императрицей Маріей Феодоровной носили совсѣм другой характер. Во время моей первой аудіенціи, Ея Величество приняла меня очень холодно. Она была очень расположена к моему предшественнику Кокковцову и к его женѣ, отец которой, Ом, был в теченіе многих лѣтъ частным секретарем Ея Величества и пользовался ея полным довѣріем. Она была огорчена отставкой Кокковцова и думала, что это было сдѣлано путем обдуманых комбинацій; первыя слова Ея Величества были: “Ваше назначеніе упало на вас как черепица с крыши”. Императрица была очень удивлена, когда я объяснил, что еще в 1911 г. меня пригласил Столыпин войти в министерство в качествѣ Товарища Министра Торговли и Промышленности, как подготовительную должность, для назначенія в дальнѣйшем на пост Министра Финансов. Когда я прощался, Государыня улыбалась той своей улыбкой, которая покоряла всѣ сердца. Во время войны я имѣл двѣ аудіенціи у Вдовствующей Императрицы послѣ моего возвращенія из Парижа и Лондона. Она слушала меня с большим интересом, задавала мнѣ вопросы, относящіеся к текущим событіям и высказывала свои собственныя мнѣнія с большой откровенностью.

В первую половину 1914 г. было мало приемов при дворѣ. Весной небольшой прием был устроен в Александровском Дворцѣ — обычной резиденціи Императора в Царском Селѣ. Наслѣдный Принц Румыніи Фердинанд, его супруга Принцесса Марія и их сын Кароль — навѣщали Русскую Императорскую фамилію. Были нѣкоторыя предположе-

нія о женитьбѣ Принца Кароля на одной из старших Великих Княжен и этот проект принимался с симпатіей с обѣих сторон. Наслѣдная Принцесса была в родствѣ с Императорской семьей: ея мать Герцогиня Эдинбургская была сестрой Императора Александра III. Принцесса Марія была необыкновенно привлекательна. Послѣ небольшого разговора с ней я был очарован. Она умѣла находить нужные слова для тѣх, кто к ней приближался, и у нея была чарующая улыбка. Спустя 21 год я видѣл ее уже Королевой Румыніи в Лондонѣ. Несмотря на тяжелые годы, которые ей пришлось перенести, с немалыми тревогами, ея обхождение и привлекательность не измѣнились с тѣх пор как я ее видѣл в первый раз.

В іюнѣ Саксонскій Король пріѣхал навѣстить Русскую Императорскую фамилію, в его честь был дан обѣд в Царском Селѣ. Послѣ обѣда Государь представлял министров Королю. Мы были удивлены, когда увидѣли, что Король держит свою руку за спиной, избѣгая подавать ее нам. Было видно, что ему было неприятно это представленіе и он даже не потрудился говорить с нами*).

В теченіе весны 1914 г. было общее безпокойство на денежном рынкѣ. Было паденіе бумаг на Лондонской и Парижской биржах. Это объяснялось большими потерями, вызванными финансовым крахом в Мексикѣ и банкротством многих обществ в Соединенных Штатах и в Южной Америкѣ, в которых были замѣшаны крупные французскіе и британскіе интересы. Русскій рынок был тѣсно связан с иностранными и в особенности с Парижским денежным рынком, и Петербургская биржа ощущала тревогу. Большинство русских банков имѣли большія обязательства за границей и их кредиторы требовали возвращенія одолженных денег. Это отражалось на биржевых цѣнах и на стоимости рубля. Настоящія причины неустойчивости биржи не были извѣстны публикѣ и даже в финансовых кругах. Надѣялись, что нѣкоторые искусственныя мѣры, принятыя министром финансов, оживят рынок. В это время національная пресса в Германіи требовала от правительства принять угрожающее отношеніе к сосѣдям. Она писала, что их страна недостаточна для многочисленнаго и увеличивающагося населенія и что германскій народ достоин имѣть привилегированное в мірѣ мѣсто под солнцем, вслѣдствіе исключительных талантов и организаторских способностей. Естественно, такое мѣсто под солнцем должно быть найдено за счет других народов.

В маѣ 1914 г. Государственная Дума приняла большую программу военной реорганизаціи. Эта программа готовилась уже давно

---

*) Генерал Спиридович пишет в своих воспоминаніях, что когда Саксонскій король пріѣхал в Царское Село на станцію, он, поздоровавшись с Царской Семейей, обошел почетный караул, сдѣлал нѣсколько шагов, чтобы поздороваться с лицами свиты Государя, поздоровался с ближайшими, но, видя, что есть еще немало других, — сдѣлал дружескій жест рукой по направленію к ним и сказал: "И так далѣе" (Und so weiter).

Генеральным Штабом. Русско-Японская война показала недостаточность нашего вооруженія. Эти шаги, конечно, привели к новым и болѣе воинственнымъ требованіямъ в германской печати. Пограничныя столкновенія между Германіей и Франціей стали учащаться. Происходили тренія между нѣмецкими военными и населеніемъ Эльзаса. Грозовыя тучи на Балканахъ, начиная с войны 1812/1913 г., стали опять сгущаться.

В концѣ іюня, я получил телеграмму из Берлина от банкирскаго дома Мендельсон и К°, с просьбой принять представителя этого банка, прїѣзжающаго в Петербург. Банкирскій дом Мендельсон и К° был с давнихъ пор корреспондентомъ нашего министерства финансовъ в Берлинѣ. Он возглавлялъ синдикатъ для русскихъ государственныхъ займовъ и был в самыхъ наилучшихъ отношеніяхъ с нашимъ министерствомъ финансовъ и русскими банками. Я отвѣтилъ, что буду радъ видѣть ихъ представителя, и черезъ нѣсколько дней старшій изъ братьевъ Мендельсон, Робертъ, котораго я зналъ уже давно, прибылъ в Россію. Онъ объяснилъ мнѣ, что германскіе финансовыя круги готовы распространить в Германіи русскій желѣзнодорожный заемъ, что денежное положеніе в странѣ этому благопріятствуетъ, но что политическое положеніе исключительно тревожно. Передъ тѣмъ какъ покинуть Германію, онъ видѣлся с Министромъ Иностранныхъ дѣлъ фонъ Яговымъ. Послѣдній предупреждалъ его, что обостреніе отношеній между Сербіей и Австро-Венгріей все увеличивается и вскорѣ приведетъ к военнымъ дѣйствіямъ. Послѣ убійства Эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены в Сараевѣ, отношенія между Сербіей и Австро-Венгріей стали совсѣмъ критическими. Военные круги в Австро-Венгріи считаютъ сербское правительство отвѣтственнымъ за антиавстрійскую пропаганду в славянскихъ провинціяхъ двуединой монархіи и поэтому отвѣтственнымъ за убійство Эрцгерцога. Офіціальныя круги в Германіи считаютъ, что Австро-Венгрія имѣетъ полное право послать строгій протестъ сербскому правительству. Пока этотъ серьезный вопросъ не будетъ разрѣшенъ и не улучшится политическое положеніе в Европѣ — о размѣщеніи займа на германскомъ рынкѣ не можетъ быть и рѣчи.

Закончивъ офіціальную часть своей миссіи, Робертъ фонъ Мендельсонъ сказалъ мнѣ, что онъ хотѣлъ бы поговорить со мною частнымъ образомъ и строго конфиденціально. Это онъ можетъ сдѣлать потому, что мы знаемъ другъ друга с давнихъ поръ. Онъ увѣрялъ меня, что совершенно независимо отъ чувствъ в германскихъ финансовыхъ кругахъ, которые были всегда настроены за сохраненіе хорошихъ отношеній с Россіей, искреннія дружескія чувства по отношенію к Россіи существуютъ и во всей Германіи, какъ в офіціальнхъ кругахъ, такъ и в публикѣ. Существенные интересы Россіи и Германіи нигдѣ не сталкиваются. Было бы очень просто закрѣпить эти хорошія отношенія между двумя странами, если бы Россія отказалась отъ союза с Франціей и отъ поддержки Сербіи, политика которой не нравится ни Германіи, ни Австро-Венгріи. Хотя Р. фонъ Мендельсонъ увѣрялъ меня, что онъ говоритъ со мною совсѣмъ частнымъ образомъ, я долженъ былъ сказать ему, что вопросы, которые онъ за-

тронул, меня, как Министра Финансов, совершенно не касаются и я совѣтую ему повидать моего коллегу Министра Иностранных Дѣл Сазонова и повторить ему все то, что он мнѣ сказал. Я передал Сазонову мой разговор с Р. фон Мендельсоном и сказал, что совѣты Мендельсона имѣют большое значеніе, принимая во вниманіе тѣсныя отношенія Дома Мендельсона и К^о с «Wilhelmstrasse»*) и официальными кругами в Берлинѣ и даже с самим Германским Императором. Во время моей ближайшей аудіенціи я передал Государю содержаніе моего разговора с Робертом фон Мендельсоном и также доложил, что я просил Мендельсона повидать Сазонова, который должен сам сдѣлать Государю доклад по этому поводу.

Р. фон Мендельсон покинул Петербург в началѣ іюля, за нѣсколько дней до прибытія в Россію Президента Французской Республики Пуанкаре. Мендельсон уѣхал с убѣжденіем, что Россія останется вѣрной союзницей Франціи и не пренебрежет своим долгом по отношенію к славянским народам на Балканах — интересы которых ей дороги.

Президент Пуанкаре прибыл в Кронштадт 7 іюля на броненосцѣ «Франція». Император вышел навстрѣчу ему на своей яхтѣ «Александрія». Мнѣ очень хотѣлось увидѣть приход французской эскадры и ея пріем нашим народом и моряками и я заказал яхту Министра Финансов — она должна была притти за мною в Петергоф, гдѣ я жил в лѣтніе мѣсяцы. Я вышел на яхтѣ немного раньше Императора и нашел Кронштадтскій рейд переполненным пароходами, частными яхтами, не говоря уже о многих военных судах нашего флота. Французскіе и русскіе флаги были подняты на всѣх мачтах. Броненосцу «Франція» и всей французской эскадрѣ был устроен теплый пріем в Россійских водах. День был ярко солнечным и картина при таком радужном освѣщеніи была незабываемой; ряды матросов в бѣлых форменках на палубѣ каждаго корабля, пушечный салют, звуки Марсельезы, которую повсюду играли оркестры. По окончаніи официального пріема и по возвращеніи Его Величества в Петергоф пароходы и частныя яхты вплотную приблизились к французским военным кораблям и продолжали повсюду играть французскій національный гимн.

Банкет был дан в Большом Петергофском Дворцѣ в честь французскаго Президента и его свиты. Императрица Александра Феодоровна присутствовала. Государь Император и Президент обмѣнялись обычными дружественными тостами, а послѣ обѣда Государь представил своих министров Президенту. Императрица была одѣта в платье блѣдно голубого цвѣта, что Ей очень шло. Чудесные брилліанты украшали Ее. Среди присутствовавших дам было не мало очень красивых, но никто не мог сравниться с величественной красотой Ея Величества. К сожалѣнію Ей не хватало нѣкоторой добавочной граціи — напримѣр дружественной улыбки. Было ясно, что длительный официальный бан-

*) Улица гдѣ помѣщалось Германское Министерство Иностранных Дѣл.

вет для Нея пытка. Она едва произносила слова при обращеніи к сидящим рядом с Ней*).

Во время пребыванія Президента в Россіи совершенно неожиданно начались рабочіе беспорядки. Среди рабочих не было предварительнаго недовольства в тѣх отраслях, которыя оказались затронутыми, и было совершенно неясно, почему заводы, городскія предпріятія и узкоколейныя ж. дороги были затронуты неожиданно и одновременно. Несомнѣнно, что нѣкоторыя тайныя вліянія были тому причиной. Тот фактъ, что беспорядки начались как раз во время офіціального визита наших союзников, вызвал подозрѣніе, что они произошли не без участія наших политических противников. Дѣло это открыто обсуждалось в различных мѣстах в Петербургѣ и мое собственное чувство было, что нѣмецкія деньги были причиной этих беспорядков. По этому поводу я имѣлъ интересный разговор с нѣмецким послом графом Пурталесом во время приѣма даннаго персидским посланником Изаак-Ханом. Прием этот был устроен для празднованія восшествія на персидскій престол молодого Шаха — и он неудачно совпал с банкетом во французском посольствѣ. Я должен был сначала быть на этом обѣдѣ даваемом послом М. Палеологом в честь Президента и Премьер-Министра (одновременно и Министра Иностранных Дѣл) Вивіани. Послѣдній был не совсем здоров и еле говорил во время обѣда. Раймонд Пуанкаре, вѣроятно, тоже был утомлен всѣми приѣмами, на которых он должен был присутствовать, — и выглядѣлъ усталым.

Когда обѣд кончился, я поѣхал в Персидское посольство. Там было много гостей и между ними гр. Пурталес, который казался взволнованным и неутомимо переходил от одного дипломата к другому. Как только он увидѣлъ меня, он сейчас же подошел ко мнѣ и начал спрашивать, задавая разные вопросы по поводу приѣма во Французском посольствѣ. Послѣ небольшого перерыва в нашем разговорѣ, посол начал говорить о беспорядках в Петербургѣ, сам дал мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя он получил, и спросил, что я о них думаю. Я отвѣтил ему, что беспорядки кажутся мнѣ не политическими и не имѣют серьезных причин; несомнѣнно они будут вскорѣ прекращены. Посла мой отвѣтъ не удовлетворил, а я на этом не задерживался. Фактически же беспорядки явились предвѣстниками крупнаго международнаго кризиса. Спеціальныи интерес, проявленный Германским послом гр. Пурталесом к рабочим беспорядкам во время визита французскаго Президента Пуанкаре и Премьер-Министра Вивіани, дал мнѣ основаніе думать, что Германія пустила в ход цѣлую организацію, чтобы вызвать в опредѣленный момент рабочіе беспорядки в Петербургѣ.

(Продолженіе слѣдует)

П. Л. Барк.

*) Императрица страдала сердечной болѣзнью и ей поэтому приходилось напрягать всю свою волю чтобы выдерживать длительные и утомительные приемы.